

ЭТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В НАУКЕ – МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА ПОЛИТИКОВ- МЕЖДУНАРОДНИКОВ

В.С. Глаголев

Способность к творчеству в международно-политической деятельности предполагает оптику, позволяющую систематически держать в поле внимания главную цель усилий политических деятелей, сохраняющих веру в смысл и призвание конечного результата сложных и многоплановых усилий деятельности в этой сфере. То есть, достижения такого состояния внешнеполитического положения «своего» социума, при котором он получает оптимальные возможности саморазвития и в конечном счете совершенствования. На протяжении истории попытки реализовать эту задачу осуществлялись, как известно, грабительски и бандитски: «свои» социумы утверждались и развивались за счёт других. Ближних или дальних – другое дело. Но время от времени история предоставляла шансы акторам международного политического процесса обеспечить создание ситуаций, от которых выигрывали все силы, ставшие на пути человеконенавистнических практик. Победа антифашистских сил в Великой Отечественной войне и во Второй мировой войне дала человечеству именно такую возможность. Хотя и на короткое время, до начала войны холодной.

Александр Фёдоровичу Шишкину выпало на долю участие в этом благородном деле в качестве одного из руководителей подразделения Министерства просвещения РСФСР, а затем и преподавателя, профессора и заведующего кафедрой философии Московского института международных отношений (ныне МГИМО (У) МИД России). В центре его деятельности как специалиста по этике находилось утвер-

ждение гуманистических идеалов в сознании и нравственной ориентации молодого поколения. Общение с А.Ф. Шишкиным как с учёным, руководителем научно-педагогических программ, заведующим кафедрой и старшим коллегой было наполнено содержательной душевной радостью. Александр Фёдорович в каждой из упомянутых ипостасей своей личности сохранял высокую нравственную требовательность не только к окружающим, но и к самому себе. И до 70-летнего рубежа своей жизни, и после того, как он перешёл этот рубеж. В его отношении к сотрудникам постоянно присутствовала установка на высокую и регулярно повышаемую планку, заданную ещё отечественной народнической интеллигенцией в 1860-ые гг.

Её максима была «Вперёд – и выше!». Поэтому он в своей научной работе и в обсуждении её проблем не терпел банальностей, заезженных путей, бессодержательных идеологических мантр, хотя прекрасно умел употреблять некоторые из них в интересах сохранения политико-идеологического реноме своей структуры и оберегания сотрудников от риска «поскользнуться на арбузной корке». Его жизнь опиралась на здоровые нравственные нормы, которые не были для него хроническими декларациями профессионального специалиста по проблемам этической теории. Этика без дел была для него мертва. Это сходство в какой-то мере ассоциируется с истинной, а не показушной религиозной верой. Этика для Александра Фёдоровича была служением людям. В ней никогда не было «игры на понижение», то есть потворствования

примитивным (а часто и низменным) массовым стереотипам и ожиданиям, дискредитирующим и подавляющим творческую составляющую личностного начала. Ему верили, потому что он не просто руководил, а сопереживал и сочувствовал проблемам руководимых им сотрудников. Старался им помочь в той мере, которая соответствовала его принципиальным убеждениям и оптимальным возможностям в достижении конкретного результата.

Поэтому высокая планка нравственной требовательности сочеталась в его побуждении сотрудников к выполнению тех или иных заданий с конкретным знанием возможностей и, если так можно сказать, интеллектуально-духовного «потолка» каждого члена коллектива. Это создавало особое качество отношений в коллективе. Редкое, но очень важное для жизни научного сообщества (которым, конечно же, является вузовская кафедра): психологическую, нравственную и культурную объёмность. Справедливость касалась требовательности в выполнении обязательных для каждого члена коллектива норм и условий его работы и взаимоотношений с коллегами. И вместе с тем в реализации принципа справедливости не было «уравниловки». Каждый видел и чувствовал, что он интересен Александру Фёдоровичу в меру неповторимого своеобразия собственных научных и преподавательских усилий и конкретных результатов, достигаемых с их помощью.

Формальные карьерные показатели успеха воспринимались им сдержанно и с элементом лёгкой насмешки, если не соответствовали реальному качеству выполняемой научной работы. При этом неудачи коллег всегда переживались руководителем близко к сердцу. Неверно будет сказать «как его собственные». Но с позиций – как поступил бы он, чтобы избежать элементарного провала. И в последнем, конечно же, сказывалась мудрость жизненного опыта и естественное огорчение человека, давно знающего, что свою голову не передашь другому. Даже во временное пользование. Полагаю, что приведенные выше особенности Александра Фёдоровича делали его руководителем научного коллектива, в котором всегда резервировалось место для поисков, дерзаний и свершений каждого из участников.

Положение мэтра и нравственная твёрдость делали его чуждым проявлениям зависти даже в малейших оттенках. Между тем зависть – одна из язв не только в научно-педагогических коллективах, но и в среде управленцев, которых в значительной мере готовит МГИМО-Университет для МИДа и других государственных структур. Можно сказать, что если питомцы кафедры и были завистливыми, то это качество они обрели и лелеяли за рамками той атмосферы, которую обеспечивало авторитетное руководство А.Ф. Шишкина.

Среди профессиональных качеств учёного на одном из первых мест, наряду с устойчивой

работоспособностью, находится критичность. Прежде всего, к той информации, которая связана с предметом интересов, забот и заказных требований, предъявляемых учёному соответствующими работодателями. В информации, получаемой им, всегда возможны ошибки, обусловленные, в первую очередь, поисковым характером научной деятельности. Новизна объекта, несовершенство методологии, требующей «доводки» для соответствия этой новизне, заботы о приоритете собственной научной школы и неизбежной при этом переоценки приоритетных статусов школ-соперниц питают, безусловно, необходимость критического отношения к научным феноменам и их информационным описаниям. Встречается, как известно, и намеренная недобросовестность в трансляции научной информации – через прямой плагиат, который, благодаря современным электронным средствам, может обрести бесчисленное множество самых неожиданных источников; и конечно благодаря соблазну, существующему для школьников, студентов и аспирантов, с молодых ногтей склонных полагать, что «скачанная» из Интернета информация есть уже свидетельство проделанной работы. При этом как-то забывается, что механическая мультипликация информации – предварительное условие начала собственных усилий для знакомства с её содержанием, анализом, выделением существенного, иерархизации смыслов и т.д. Поэтому многие случаи плагиата являются скорее продолжением школярской привычки при создании текстов, претендующих на научное содержание, чем проявлением укорененной моральной злокозности.

Критичность учёного направлена не только на внешнюю информацию по его специальности. Она должна обязательно сочетаться с самокритичностью, обязательной при постановке того или иного научного вопроса, определения его правомерности, степени вероятности последствий, наступающих при осуществлении материальных либо мысленных экспериментов и построения моделей на основе последних. Постоянно требуется оценивать ход своих рассуждений, определять точки, в которых возможна их нелогичность, недостаточная обоснованность и т.д. При этом учёный не должен развивать в себе гиперкритичность. Образ последней хорошо иллюстрирует байка о сороконожке, которую спросили: «Сороконожка! Как ты пользуешься всеми своими ножками и не запутываешься в них?». Насекомое задумалось и не смогло двигаться.

С другой стороны, отсутствие установок самокритики – прямая дорога к самоуверенным публичным кампаниям. Одним из сравнительно недавних образцов последних могут быть документальные фильмы, включившие кадры выступлений академика Т.Д. Лысенко. В его речах неприятие науки генетики как очередного «извращения» сервильной буржуазной мысли сочеталось с превознесением собственных, ока-

■

завшихся на поверку достаточно скромными, научных заслуг, связанных в первую очередь с наблюдениями над эффектом яровизации семян ряда культур (то есть с выдерживанием их определённое время на холоде перед посевом). При этом ряд утверждений Лысенко о возможности превращения ели в сосну, а синички – в ласточку лишены всякого подобия научности и представляют собой одно из проявлений паранаучных представлений, опирающихся на предельно общую идею о всеобщей связи и взаимозависимости в жизни живой природы. К тому же классу относятся фантастические идеи О.Б. Лепешинской о появлении клеток из бесклеточного вещества после механического разрушения клеточных структур. Как и теория самозарождения микробов в физиологических растворах, они имели в основе своей некорректность эксперимента: если причиной появления микробов в физиологическом растворе стала нестерильная лабораторная посуда, то клетки, не разрушенные в результате механических манипуляций, проходили в физраствор через недостаточно маленькие отверстия фильтра.

Приведённые примеры – одно из следствий идеологической истерии, обусловленной пред-

ставлением о всепобеждающих возможностях идеологической догматики. Причины этой ситуации находились, конечно, вне поля собственно научных изысканий. Но они способствовали резкому снижению критериев критических оценок. Также они снизили планки отбора специалистов, назначаемых на ключевые должности руководства научными исследованиями. Александр Фёдорович пережил это время и сумел извлечь уроки из его негативных последствий для науки и духовного климата общества. Один из этих уроков состоял в том, что в деятельности как учёного, так и политика-международника не бывает абсолютных мелочей. Более того. История склонна создавать риски как раз деталями, приобретающими в ходе её динамики существенное, а то и преобладающее значение. В науке, также как и в международной политике, не бывает мелочей. И это – одно из правил в работе перспективных политиков-международников.

Glagolev V.S.
***Ethical Culture in Science – a Model of
Creative Preparation of Specialists in politics
and International Relations***